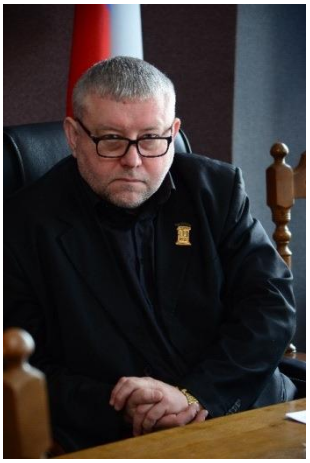

Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; почётный работник ВПО РФ; член союза кинематографистов России

Ж. Л. Океанская

Доктор культурологии, профессор по кафедре культурологии и литературы (ВАК РФ); профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России

Этико-пневматологическое измерение войны в наследии позднего отца Сергия Булгакова

Отец Сергий Булгаков на исходе своих дней поднимает тему метафизического оправдания войны – эта проблематика связывается им с пророческой библейской апокалиптологией. *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00272 «С. Н. Булгаков: pro et contra. Творчество С. Н. Булгакова в историческом и современном контекстах».*

Ключевые слова: трагедия, софийность и антисофийность, метафизика войны, апокалиптология.

«Размышления о войне» (1940 г.) – первый набросок предсмертного труда Булгакова «Апокалипсис Иоанна», создававшегося в годы второй мировой войны. «Нет ничего проще, - сразу отмечает отец Сергий, - моралистического осуждения войны, по примеру Толстого…» [2, с. 343], однако же «военное бездействие может оказаться столь же жестоким, как и действие» [2, с. 343].

Указывая на «последствие первородного греха» как «источник войны», Булгаков поднимает тему метафизического оправдания войны: «Счастье и гармония на земле есть лишь краткое мгновение или иллюзия, и достойно изживаемая трагедия выше их, ибо она и есть *крест*, данный каждому человеку. Война также является одной из разновидностей трагедии жизни и великим крестоношением, что и есть её оправдание»; вместе с тем, согласно отцу Сергию, «трагедия есть *путь* человеческой жизни, конечный итог которого является для неё запредельным» [2, с. 344].

Соединяются трансцендентное и кенотическое: «В очах Божиих, буржуазное разложение, сопровождающееся миром и безопасностью, может быть, является злом не меньшим и даже большим, нежели война»; «Христос присутствует на поле сражения среди раненых и убиваемых, страждущих и умирающих, и не только как победный всадник, ”облечённый в кровавую одежду“ (Откр. XIX, 13), каковым является в полноту времени, но и как жертва

войны, сострадающий её бедствиям» [2, с. 355]. Недавно один поэт сказал, что не может себе представить Христа на танке – но не менее вульгарным было бы представление воплощённого Логоса в банке или на бирже… Булгаков же подчёркивает, что «история и по Откровению представляет собою ряд военных волн», а «сатанический писифизм может стать не благом, но разложением»: «Война есть мировой пожар истории, в котором многое сгорает, ценное и бренное, многое переплавляется и обновляется к жизни» [2, с. 361].

«Война и софийность творения» [2, с. 362] – таково название второй главы булгаковского труда. Здесь возникает центральная для мыслителя тема, роднящая его с Шопенгауэром: «…во мраке войны, застилающей свет солнечный, в её тоске и муке, погружающих мир в состояние оцепенения, в океане крови, слёз и всяческом мучительстве, не приходилось ли оставить, как слепую иллюзию, и самую мысль о софийности мира, о неистребимости и непобедимости в нём софийного начала? Не признать ли скорее мир царством князя мира сего, которое может быть понято скорее не в свете софиологии, но сатанологии?» [2, с. 365].

Но тема софийности войны, как и антисофийность её, оказываются предметом дальнейшего осмысления: «…война, понятая как духовная жертвенность и напряжение, включена в план небесного строительства и ангельской жизни. Правда, эта необходимость войны, как и её неизбежность, связана с восстанием сатаны и возникшим отсюда разделением в рядах воинства небесного. Войны могло бы и не быть, как на земле, так и на небе, помимо этого мятежа» [2, с. 367]; «войне свойственны героизм и жертвенность» [2, с. 369]; «война есть образ служения общему делу и как таковое есть мощный рычаг истории»; «Люди недостаточно зрячи, чтобы видеть всё значение войны в истории, а, следовательно, и в её софийности» [2, с. 371].

Булгаков однозначно отвергает и опровергает притязания пацифистов: «Победа… пасифизма лишь ради сохранения культурных ценностей, но при всеобщей культурной расслабленности является не победой добра, но скорее уклонением от борьбы за него, приспособлением, духовным оппортунизмом»; «война во всей своей иррациональности» – «проявление Промысла Божьего в истории» [2, с. 372]. Ключевая же тема возникает и раскрывается далее: «Апокалипсис… является естественно и неизбежно софиологией войны, поскольку в нём описывается противоборство софийных и антисофийных потенций… здесь, очевидно, мы имеем символику софийной и антисофийной войны» [2, с. 373].

Однако же булгаковская софиология войны – не есть апология войны: «Война есть организованное зверство, отмечает отец Сергий, - войне, как и катастрофам и бедствиям жизни, присуще не положительное, но отрицательное откровение, чрез сгорание, разрушение, потрясение» [2, с. 377]. Булгаковская кризисология предстаёт как апофатическое откровение…

Автор призывает «*встретить* трагические судьбы с софийной верой и достоинством» [2, с. 378]: «Если для нас массовые убийства на поле сражения исполнены особливо потрясающего ужаса, как нарочитое и исключительное проявление смерти с её торжеством, то в порядке интенсивного, так сказать, со-умирания нет этой разницы. Христос в равной мере со-умирает с человечеством в каждом человеке. Отсюда получается парадоксальный вывод о том, что смерть на войне не является смертнее всякой другой смерти» [2, с. 379].

В своей последней книге «Апокалипсис Иоанна» отец Сергий показывает, что общая катастрофическая панорама мировой истории отражает метафизические процессы, а её динамика — статику столкновения высших небесных сил: «”Жатва“ земли не совершается ли в ужасах войны и революций, в которых… раскрываются судьбы Божии? Все ужасы современной войны, как и вся духовная её мерзость (в расизме), для нас остаются лишь в земном своём облике, но они, несомненно, имеют для себя соответствия в мире духовном» [1, с. 133].

Библиографический список:

1. *Булгаков, Протоиерей Сергий.* Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования). М.: Православное Братство Трезвости «Отрада и Утешение», 1991.

2. *Булгаков С. Н.* Размышления о войне // Булгаков С. Н. Первообраз и образ: Соч.: В 2 т. Т. 2. / Сост. подг. текста, ввод. заметка И. Б. Роднянской, коммент. Н. К. Бонецкой и И. Б. Роднянской. СПб.: ООО «ИНАПРЕСС»; М.: «Искусство», 1999.

©Океанский В. П., Океанская Ж. Л., 2022